

ЛЮТФИ

ГАЗЕЛИ

Ушла ты, и жизнь моя опустела - какая польза?
Не стало души - от бессильного тела какая польза?

Когда соловья ароматом и жаром не радует роза,
От ярких садов, где весна запестрела, какая польза?

О да, ты влюбленных умеешь дразнить и тиранить,
Но мне от того, что дразнишь умело, какая польза?

Коль нет у кумира ни верности, ни сострадания,
Сияй он, как солнце, - какое дело, какая польза?

К Лютфи, к рабу своему, ты порой благосклонна,
Но, если со мной не будешь всецело, какая польза?

* * *

Как под своды натопленной бани эта пери вступила смело,
Показалось: от роз душистых сразу все вокруг опьянело.

Как разделась жестокая пери, серебрясь обнаженным телом,
В жаркой мгле лучи засияли и под сводами посветлело.

Ревновал я к воде струистой, что ее наготу ласкала,
Сердце плавилось, плоть горела, страсть дошла моя до предела.

Если б мне в тот миг превратиться в струи этой воды счастливой,
О, как радостно обнимал бы я ее несравненное тело!

Будто в нежных волнах Каусара, косы гребнем златым лаская,
Мылась пери - и райские девы ей спешили служить умело.

Нет, ступайте, райские девы, - ей служить даже вы недостойны!..
Сладко нежась, моется пери и совсем не знает, в чем дело:

Не вода в этой бане льется - это слезы Лютфи-поэта,
Не дрова эту баню греют - страсть поэта ее согрела.

перевод С. Северцева

* * *

Сердце мое, виночерпий, трепещет от боли давно.
Чашу вина поднеси мне, чтоб горе забыло оно!

Если в вине заблестят отраженья сияющих рук,
Станет серебряной влагой пурпурное это вино.

Лжет на меня мухтасиб, и моих он не ценит услуг, -
Низкой душе оставаться навеки в грязи суждено.

Пусть эта чаша уста целовала, царица, твои,
Горечь и ревность я выпью сегодня, чтоб высохло дно.

Поймано локоном, смотрит на родинку сердце Лутфи, -
Крепок силок, и не вырваться птичке, нашедшей зерно!

* * *

Скажи моей деве, что скоро я жить перестану, скажи!
О том, что, как нищий, я слаб, моему ты султану скажи!

Горит мое сердце, из глаз моих бедных струится поток, -
О скорби моей ты свече моей кельи туманной скажи!

Уж кровь лепестками покрыла мне сердце, и я изнемог,
Ты царственной розе про эту опасную рану скажи!

Как звезды на небе, бесчисленны слезы на лице моем,
Луне моей ясной про слезы мои без обмана скажи!

Трепещет Лутфи и томится в разлуке он ночью и днем, -
О горе его моему ты прекрасному хану скажи!

перевод Н. Заболоцкого

* * *

Ты словно кипарис высокий, ты нежной ивой - выросла,
Мучительницею жестокой и шаловливой - выросла.

Я думал: ты луною станешь, а ты весенним солнцем стала!
Ты воплощеньем света жизни - очам на диво - выросла.

Ты что в смущенье лик скрываешь? Иль зеркало не говорило,
Как ты пленительно и мило, как горделиво - выросла.

Лутфи ясна твоя загадка: ты ранней утренней звездой
Упала в мир и девой пери красноречивой - выросла.

* * *

Нежные! Взглядами нас невзначай одаряя, пройти не спешите!
Нищего чарами глаз с падишахом равняя, пройти не спешите!

Хоть и прольете вы кровь дервишей, что сидят при дороге,—
В горький мой час мимо нас, красотой ослепляя, пройти не спешите!

Не презирайте! Все в мире мгновенно, так пусть же я стану
Прахом для вас! Вы, конями мой прах попирая, пройти не спешите!

Если умру и безвестные руки меня похоронят,—
Остановитесь хоть раз над могилой, вздыхая, пройти не спешите!

Дайте Лутфи от сокровища вашего долю заката!
Прелести юной алмаз от него не скрывая, пройти не спешите!

* * *

Где моя розоликая, где мой крин золотой?
Где красавица стройная, кипарис молодой?

Над апрельскою розою вновь поет соловей.
Где же ты, о весна моя? Что же ты не со мной?

Вот я — прах у дверей твоих, но не молвила ты:
«Где же он — мой покинутый? Где возлюбленный мой?»

Быть в разлуке с любимой мне терпения нет.
Невозвратно потерянный — где мой мир и покой?

Не гони исступленного, не гневись на Лутфи!
Нет ни воли, ни разума у него пред тобой.

перевод В. Державина

* * *

Если б свет лица ее погас, -
Осенью была б весна для нас.

Мне страшной мечи над головой
С идолом моим разлуки час.

Пылью стать бы под ее конем,
Чтоб по мне проехала хоть раз,

Душу я за бровь ее отдам,
Стройте склеп мне - бог меня не спас.

Не один Лутфи, - о розе той
Горек сотни соловьев рассказ.

* * *

Птица души устремилась туда, где она,
Сколько б обид ни творила мне дева-весна.

Если она не верна мне, то что же... пускай.
В мире лукавом и жизнь никому не верна.

«Дам я тебе наслажденье», — раз она молвила мне.
Но не любовью, а снова горечью доля полна.

Больше терпеть я не в силах, кровь да падет на нее,
Но осужденной за это нежная быть не должна.

Лица ее отраженьем светится стих у Лутфи,
Так соловьиному пенью розой лишь прелесть дана.

* * *

Доколь я луноликой буду мучим,
Доколе вздохам возноситься к тучам.

Что делать сердцу с черными кудрями?
Дороги эти кривы, ночь дремуча.

Ее блестящих яблок не достанет
Моя рука, а я не видел лучших.

Пусть видит мой завистник, как счастлив я.
Я у дверей ее, как праха куча.

Я стал ничтожней пса от вечной скорби.
Простите путь мой, горький и певучий.

Слова Лутфи — хвала ей, словно жемчуг.
И ей, чтоб их услышать, будет случай.

перевод Л. Гумилева

* * *

Что равно твоим кудрям, вьющимся и благовонным?
Завитки твоих кудрей - как орлы под небосклоном!

Дивное твое лицо людям кажется Кораном,
Поклоняются они красоты твоей законам.

Твой желанный алый рот меньше маленькой пылинки,
Меньше всех на свете мер, - верить мы должны ученым!

Вероятно, сам Юсуф и во сне бы не увидел
Сладких губ твоих рубин вещим взором восхищенным!

Что сравнится на земле стойкостью с моей душою?
Хоть страдает, но верна прежним клятвам непреклонным!

Что сравнится на земле с красотой твоей манящей?
И соблазны, и силки расставляешь ты влюбленным.

Обезумел раб Лутфи и не внимлет назиданьям,
Ибо лишь одной любви предан сердцем опаленным.

* * *

Красота твоя - светильник, чей огонь меня привлек.
Чтоб сгореть в огне жестоком, я лечу, как мотылек.

Кто приговорен к разлуке, тот взывает: "Пощади!"
Юной прелести царица, пощади: я одинок!

Обезумел я, увидев: ты, как пери, хороша.
Так верни мне ясный разум, ибо жребий мой жесток!

Умираю оттого я, что с тобою разлучен,
Но пришел к тебе, надеясь: дней моих продлишь ты срок.

Лук бровей твоих увидев, прискакал к тебе Лутфи.
Я, как агнец, жду закланья, - так срази меня, стрелок!

* * *

Твой стан, твои уста увидев, я восклицаю: "Ах!"
Когда я на тебя ни гляну, твержу: "Велик аллах!"

Лишь об одной тебе мечтаю, не нужен мне никто,
Поэтому ты самовластно живешь в моих мечтах.

Желать свиданья я не смею, поэтому шепчу:
"Хоть на мгновенье отразиться хочу в твоих зрачках!"

Бессильный отыскать сравненье, сказал: "Ты кипарис!"
Но я тебя унизил: смысла в подобных нет словах!

Кто из людей дерзнет коснуться подола твоего?
Поэтому тебя сравнил я с луною в небесах.

Но с чем сравню твою походку, твой стройный, тонкий стан?
Тебе подобья не найду я ни в жизни, ни в стихах.

Ты сделала, красой сверкая, цветистым слог Лутфи,
Поэтому твержу: "Всевышний велик в своих делах!"

перевод С. Липкина

* * *

Что же станет с душой, если слез и страданья не будет,
Если спутница-грусть разделять ожидания не будет?

Эта жизнь мне на что, если жить с луноликой в разлуке?
Год и век ни к чему, если мига свиданья не будет.

Разлученное с ней, сердце высохнет, выгорит, свянет,
Если вздохов благих, причитанья, рыданья не будет.

Не вини красоту, что, прельщая, терзает и ранит,
Кто ей предан навек, тот просить подаянья не будет.

Может смерть подойти, прежде чем я откроюсь любимой,
Злей обиды такой, тяжелей испытанья не будет.

Если краешком глаз на безумца не взглянет плутовка,
Тот надеждой пустой отвечать на признание не будет.

Горе сгубит Лутфи, несчастливца застав одиноким,
Если образ ее он хранить и в изгнание не будет.

* * *

Когда кокетка на меня, косясь, со зла глядит,—
Ах, это значит, что беда из-за угла глядит.

Среди красавиц нет второй, в лукавстве равной ей.
Из каждого ее зрачка, блестя, стрела глядит.

Прикован мой насытый взгляд к ее запястью,— что ж,
Ведь нищий на руку, что грош ему дала, глядит.

Красой невиданной она все кажется тому,
Кто целый день на розы щек, на блеск чела глядит.

Ах, каждый взмах ее ресниц смертелен для Лутфи!
Не радость подарила взгляд,— нет, смерть пришла — глядит.

* * *

Ах, поведай, девам рая не сродни ли ты?
Ароматной розе мая не сродни ли ты?

Лишь вдали блеснешь красою,— мне на миг светло.
Месяцу, о золотая, не сродни ли ты?

Медленны твои движенья, сладок твой язык,—
Сахару, от неги тая, не сродни ли ты?

Говорят, тебя кумирам предпочел Лутфи,—
Ах, красавицам Китая не сродни ли ты?

перевод Т. Спендиаровой

* * *

О красавица, напрасно ты бежишь от договора
И скрываешь покрывалом лик от пламенного взора.

Ты своею красотой все сердца поработила.
Кто не думает о людях, тот творца рассердит скоро.

Счастье любящим не дарит это выпретенное небо,
Не пошлет оно блаженства, не смирит оно раздора.

Свод бровей твоих высоких для того был зодчим создан,
Чтобы я светильник сердца в нем оставил без надзора.

Кто твой лик камфарно-белый дерзко сравнивал с луною,—
Тьму и свет не различает, все мешает без разбора.

Аромат цветов весенних от кудрей твоих исходит,
Запах мускуса и амбры заглушает он без спора.

И когда Лутфи окончил описание любимой,
Со страниц повеял ветер, полный света и простора.

* * *

В сеть волос меня поймала, опоив своим дурманом.
Оплела мне нежно шею обнаженных рук арканом.

Красоте твоей цветущей позавидовал шиповник
И, исхлестанный под ветром, стал из розового рдяным.

Знаю я, что эти губы слаще меда и шербета,
Нет различья меж тростинкой и твоим воздушным станом.

Если ветер — твой прислужник — до кудрей слегка коснется,
Сколько он сердец разбитых обнаружит в них нежданно!

Должен щедрым быть богатый... Наклонись к Лутфи поближе,
Чтобы смог он насладиться этим обликом желанным.

* * *

Моей любимой тонкий стан совсем как волосок,
Что легкой тенью проскользнул на девственный висок,

И сердце бедное мое висит на волоске,
И путь к желанному, как встарь, и труден и далек.

Взойдет в урочный час зерно на бархате земли,
Пусть родинка твоя цветет на лоне нежных щек.

И слезы катятся мои, краснея, как рубин,
И погружают птицы клюв в печальный тот поток.

Ты не показывала мне кудрей своих во сне.
О счастье, если б я заснул и был мой сон глубок!

Она измучила меня, но я ее люблю,
Не изменю я никогда, хоть мой удел жесток.

Лутфи повсюду видит стан, что тоньше волоска.
Колдун-индиец ворожбой его спасти не смог.

перевод Т. Стрешневой

РУБАИ

Нежной пери, душе драгоценной моей - салам!
Той, что даже души драгоценной милей, - салам!
День и ночь о тебе вспоминаю я непрестанно,
Милой радости этих безрадостных дней - салам!

* * *

Быть прекрасной, но неверной - это все же недостойно,
И в любви при этом клясться - это тоже недостойно.
Дни и месяцы проходят. Позабыть о верном друге -
На влюбленную подругу непохоже, недостойно!

перевод С. Северцева

* * *

Что ни свершит дурного, а всё слывет хорошей:
У ладных да красивых поступкам счет хороший!

Под ветви розы сядет — и ветер, нежно вея,
На розу сыплет розы: хороший льнет к хорошей.

Жемчужными зубами уста прикусит сладко —
Ну, молоко да сахар сольются в мед хороший.

И пусть на светлом лице пушок проступит темный:
Ведь черное на белом блеск дает хороший!

Закрыв лицо кудрями, ты от Лутфи не прячься:
Проглянет солнце в тучах — и свет с высот хороший!

* * *

Когда подруга муки мне неисчислимо множит,
Как мне с моей любовью быть — загадка ум мой гложет.

Меня расправит, как стрелу, ее коварств расправа,
А луки-брови, знаю я, мне дальний путь проложат.

К рубинам уст прильнуть бы мне—я волю дам лобзаньям,
Пока из мушек хоть одна уста чернить не сможет!

«Свиданьем, — говорит, — твои недуги исцелю я», —
От смерти можно ли лечить: весь век в разлуке прожит.

Нет, верности Лутфи вовек не ведал от любимой, —
В неверную никто любви и верности не вложит!

* * *

О, как ты любима мною — хочешь верь, а хочешь — нет,
Сердце ноет, как больное, — хочешь верь, а хочешь — нет!

В ночь разлуки к поднебесью поднимается мой стон,
Если я от боли ною, — хочешь верь, а хочешь — нет.

Если даже острой саблей преградят мой путь к тебе,
Не пройти мне стороною, — хочешь верь, а хочешь — нет.

А взгляну в глаза хмельные — и исчезну навсегда,
Позабыв жите земное, — хочешь верь, а хочешь — нет.

Как Якуб, я горько плачу, без тебя в моих очах
Свет окутан пеленою, — хочешь верь, а хочешь — нет.

Лунный лик твой видят люди— благо им, а мне беда:
Тьмою взор закрыт сплошною, — хочешь верь, а хочешь — нет.

Сребростанная, от жара стал Лутфи как золотой:
Весь покрылся желтизною, — хочешь верь, а хочешь—нет.

* * *

Молило сердце локон твой: «О, допусти к послугам,
Нанду смиренье и покой в биче твоём упругом!»

Кого не тронул грозный меч — суровый гнев подруги,
Тому пред нею жертвой лечь — почет не по заслугам.

Любой, смиреньем одержим, твоим кудрям послушен:
Былой гордыне став чужим, смиренью станет другом.

Соперник, хоть и льстивый он, влюбленному — не пара:
Он, как лисица, осужден на льва взирать с испугом.

Твое сиянье — благодать: лишь отведешь завесу —
Не надо солнцу и вставать, — ты — солнце всем округам.

Не потому ли, что земля — твоим стопам опора,
Ниц падать на землю, моля, привычно божьим слугам?

Хоть раз приди, лишь миг потратить, спроси Лутфи о боли, —
Благое дело — навещать страдающих недугом!

* * *

Вкусны, как жизнь, твои уста и в сласти ей не уступают,
А тьме безверия — витки твоих кудрей не уступают.

Как ни игрива красота у китайнок и тюрчанок,
Ей озорная быстрота твоих очей не уступает.

О, разве, истомлен и слаб, могу я умереть от жажды?
Твои уста — живой воде, равняясь с ней, не уступают!

Потоки слез в моих очах, поверь, вовеки не иссякнут:
Они — разливу бурных волн рек и морей не уступают.

Псам у порога твоего найдется ли на свете ровня?
Они — властителям миров в судьбе своей не уступают!

И пусть рубины твоих уст меня вовек до слез не мучат:
Багряной влаге страшных ран — тех слез ручей не уступает.

Властитель славный — Улугбек в речах Лутфи искусность ценит:
Словам Салмана красота его речей не уступает!

ТУЮГИ

* * *

Хоть мне лишь слезы принесла та лучшая из роз,
Молю, чтоб божий гнев над пей смягчался, а не рос.
К чему же слезы? Все равно огонь такой любви
Не пощадит ни глаз сухих, ни влаги слезных рос

* * *

Как долги волею судьбы моих скитаний лета!
Зиме разлуки нет конца, и не наступит лето.
Хоть раз бы вспомнила меня с участием и любовью!
Я все пишу ей: «Твой, люблю!», но не напрасно ль это?

* * *

О сердце, как без милой жить? Терзанья ломают темя,
Что делать мне? Заворожен я локонами теми.
Я все стерплю — неверность, ложь и черный мрак глумленья,
Настанет день — и луч сверкнет в кромешной этой теми!

* * *

Стыдит мою любовь молва, людская сплетня зла,
Но ты одна в моих мечтах, хоть много сил у зла.
Когда б соперник мой хоть раз попался в руки мне,
Я б кожу снял с его спины и свил бы в три узла!

* * *

Когда мой стан согнули в лук твоих бровей два жала,
Мне душу не огонь ли жег и грудь не смерть ли жала?
Из-за коварства твоего я столько крови пролил,
Что на руках твоих, как хна, от крови тень лежала!

* * *

Вот жизнь прошла, а я — не с ней. Не сбыться светлой доле!
Печаль мне сердце разорвет, терпеть нет силы доле.
Из-за неверности твоей не верю никому я:
В долине скорби я брожу — неверья темпом доле!

* * *

Стенать — призванье соловья: знай щелкай и свисти
И розу о любви своей тем свистом извести.

Но если наглый горлопан петь тщится соловьем,
За это надо б наглеца до смерти извести!

* * *

Я в душу заглянул свою — в ней все горит от боли.
Нет, мне не высказать тех мук: они томят все боле.
Мой стан, как волос, тонок стал, но в нем любовь все та же,
Клеймо разлуки так же жжет, и в сердце те же боли.

Перевод с узбекского Сергея Иванова